

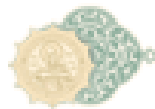

Направление образованія въ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія ¹⁾).

Насколько многосложныя и потому не скоро и не легко удовлетворимыя задачи представляет собою разработка исторіи прошлой славной жизни нашей Академіи,—это достаточно извѣстно ученымъ труженикамъ, посвящающимъ изслѣдованію минувшихъ академическихъ судебъ долгіе годы самой напряженной энергіи.

Какъ наша Alma Mater выполняла свое назначеніе, служить которому она выступила въ пору, весьма грозную для православія юго-западной Руси; въ чемъ именно проявились со стороны Академіи ея заслуги для православной церкви, русской народности и нашего отечественнаго просвѣщенія, какая при этомъ обнаруживалась съ ея стороны степень напряженія силъ, какими она пользовалась средствами и какихъ достигала результатовъ и въ охраненіи православной вѣры, и въ движеніи и разработкѣ преподававшихся ею наукъ и въ поднятій общаго уровня образованности въ нашемъ государствѣ,—вотъ что, думаемъ, должна непременно явить о себѣ на своихъ скрижаляхъ обстоятельная исторія нашей Кіевской Академіи.

¹⁾ Рѣчь, сказанная 18 декабря 1903 г., предъ защитой магистерской диссертации: „Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія (Новыя данныя, относящіяся къ исторіи этой Академіи за указанное время)“.

Одно лишь приблизительное представлѣніе всей подавляющей массы того документальнаго матеріала, собрать и изучить который необходимо для столь многосторонней исторіи, безъ сомнѣнія, должно смущать каждаго, знакомаго со своеобразными прелестями, кропотливостью и медленностью поисковъ и занятій въ архивахъ, подъ густыми слоями пыли скрывающихъ дѣла давно минувшихъ дней. Работа въ этихъ хранилищахъ памятниковъ еще мало измѣренной и не вполне оцѣненной славы нашей Академіи не можетъ быть выполнена единичными лицами. Нуженъ трудъ коллективный, дружный, долгій и упорный...

Лично на нашу долю выпала честь около восьми лѣтъ изучать сравнительно небольшой періодъ изъ жизни воспитавшей насъ Академіи, именно, періодъ съ 1701 по 1750-й годъ. Плодомъ нашихъ изысканій и явилось изслѣдованіе, подлежащее суду нынѣшняго почтеннаго собранія. Изучили мы избранную нами эпоху академической жизни далеко не въ полныхъ предѣлахъ тѣхъ широкихъ задачъ, какія, по нашему крайнему разумѣнію, лежатъ на научной исторіи учебнаго заведенія. Мы ограничили свое изслѣдованіе скромною цѣлью, во 1-хъ, провѣрки и, во-2-хъ, возможнаго для насъ (при нашихъ служебныхъ обязанностяхъ) восполненія новыми данными того, что уже извѣстно объ Академіи за избранный нами періодъ времени по прежнимъ специальнымъ трудамъ о ней В. Аскоченскаго и іеромонаха (впослѣдствіи митрополита московскаго) Макарія (Булгакова).

На основаніи по крупицамъ собранныхъ, крайне отрывочныхъ и часто неясныхъ данныхъ, добытыхъ изъ разныхъ источниковъ, мы въ своемъ изслѣдованіи изобразили внѣшнюю жизнь Академіи: очертили систему ея управленія, дали перечень ея административныхъ лицъ, правда, безъ желательной характеристики направленій ихъ администраціи (для народной характеристики источники, бывшіе въ нашемъ распоряженіи, мы нашли мало достаточными); раскрыли, какими

Труды Кіевск. дух. Академіи Т. I, 1904 г.

материальными средствами жила въ ту пору Академія, гдѣ и какъ она помѣщалась, какими средствами содержались ея профессоры и студенты. Изображеніе же внутренней ея жизни, ея учебно-образовательной дѣятельности,—при массѣ сырого и при томъ трудно читаемаго матеріала, съ его особенною латынью и спеціальною терминологіею, съ особыми рукописными сокращеніями, условными знаками, обиліемъ описокъ, искаженій смысла словъ (напр., собственныхъ именъ) и цѣлыхъ предложеній, съ немалымъ числомъ этимологическихъ и синтаксическихъ ошибокъ,—мы сдѣлали въ объемѣ невеликомъ, достаточномъ *только* для *общаго* сужденія объ основномъ характерѣ и направленіи академической науки, отчасти объ ея источникахъ и главныхъ моментахъ ея развитія.

Наше (сравнительно ограниченное) изученіе внутренняго строя жизни Киевской Академіи привело насъ къ убѣжденію, что въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія Киевская Академія осталась неизмѣнно вѣрною своей исторической задачѣ—отвлекать православное юношество отъ обученія въ латинско-польскихъ учебныхъ заведеніяхъ, „да не отъ чуждаго источника (тамъ) пиюще, смертопосного яда западнаго схизмы упившеся, ко мрачно-темнымъ римляномъ уклонятся“.

Въ достиженіи такой задачи Академія (мы нашли) пользовалась школьною системою іезуитскихъ и піарскихъ школъ—въ той, разумѣется, мѣрѣ, насколько ихъ система могла быть примѣняема ею у себя *безъ явнаго ущерба православію*, служить интересамъ котораго Академія считала своимъ священнымъ призваніемъ.

Направленіе всѣхъ наукъ академическаго курса было, можно сказать, чисто формальнымъ. Во все время своего образованія въ Академіи студентъ долженъ былъ вращаться почти въ однѣхъ формахъ: отъ формъ языка онъ переходилъ къ формамъ піитической и риторической рѣчи, отъ формъ рѣчи—къ формамъ мысли; наконецъ, всѣ эти формы

онъ пріучался прилагать къ разнымъ богословскимъ положеніямъ, которыя и являлись почти главнѣйшимъ ихъ содержаніемъ.

Понятно, такое направленіе академическаго образованія въ первой половинѣ ХУІІІ-го столѣтія нельзя назвать высокимъ. Но и осуждать за него Академію съ исторической точки зрѣнія нельзя, въ виду той неоцѣнимой пользы, какую принесла Академія, и при такомъ направленіи своего образованія, православной церкви, русской народности и русскому просвѣщенію.

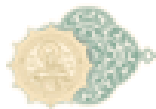
Академія держалась отмѣченнаго нами направленія въ образованіи потому, что оно въ то время было господствовавшимъ въ популярныя тогда латино-польскихъ іезуитскихъ и іарскихъ школахъ. Выступивши въ противовѣсъ этимъ школамъ, чтобы прекратить стремленіе туда русскихъ юношей и тѣмъ сохранить ихъ членами православной церкви, Академія видѣла легчайшее средство для достиженія своей задачи во введеніи у себя по возможности того, что было тамъ, и что манило туда русскихъ юношей (сообщивъ лишь всему вводимому духъ, соотвѣтствовавшій своимъ православнымъ цѣлямъ). Конечно, поступивши такъ, Академія не ошиблась. Она стала такимъ путемъ почти на одномъ учебно-образовательномъ уровнѣ съ латино-польскими школами; сообщая въ своихъ аудиторіяхъ почти то же, что могли дать и онѣ, Академія тѣмъ самымъ и отвлекла отъ нихъ православныхъ юношей.

Но Академія не обольщалась своимъ успѣхомъ, пріобрѣтаемымъ *такимъ* путемъ. Въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей она сознавала, что достигаетъ своей цѣли хотя и довольно вѣрными, но сравнительно не высокими пріемами, *рабствуя* предъ латино-польскою ученостію; она признавала, что эта ученость не такъ высока, чтобы на ней успокоиться, и была убѣждена, что ей самой необходимо стать на самостоятельную научную дорогу. Выразителемъ

этого сознанія въ изслѣдованное нами время былъ знаменитый Оеофанъ Прокоповичъ (скончавшійся въ санѣ архіепископа новгородскаго). Онъ рѣзко осудилъ латино-польское направленіе академической науки; самъ почти всю ее поставилъ на новый, болѣе высокій, путь и своимъ соработникамъ—профессорамъ, оставляя Академію, далъ совѣтъ: *„не идти только по дорогѣ, протоптанной другими учеными, а слѣдовать самостоятельными научными воззрѣніямъ, которыя, рождая солидную ученость, образуютъ знатоковъ, а не торгашей науки. Такого рода самостоятельныя научныя воззрѣнія,—говорилъ онъ,—никогда не стыдились являться передъ обществомъ, и просвѣщенному міру уже опротивѣла до тошноты (если можно такъ выразиться) та наука, которая не истекаетъ изъ первоначальныхъ источниковъ, но капля по каплѣ въ испорченномъ видѣ течетъ сквозь пожелтѣвшую бумагу изъ болотъ неискusstныхъ потѣшныхъ учителей (скомороховъ—*ludimagistrosum*), и не оставляетъ въ умахъ человѣческихъ ничего, кромѣ глупаго убѣжденія въ собственной мудрости. какого-то мрака, сновидѣнія и призрачности¹⁾“*...

Безспорную цѣну дѣла О. Прокоповича для академической науки и несомнѣнную справедливость указаннаго имъ пути ей профессора Академіи не могли не признавать, и нѣкоторые изъ нихъ въ изложеніи академическихъ наукъ слѣдовали лекціямъ О. Прокоповича. Но ни одинъ изъ нихъ не смогъ все-таки пойти личнымъ самостоятельнымъ усердіемъ по дорогѣ, открытой и начатой великимъ новаторомъ, чтобы внести лепту своего труда на созданіе собственной православно-русской науки, которая бы стала выше латино-польской; а большинство ихъ,—и вполнѣ спокойно и увѣренно,

¹⁾ Такъ писалъ О. Прокоповичъ профессорамъ Кіевской Академіи предъ своимъ посвященіемъ во епископа, сложивъ съ себя званіе ея ректора. См. „Труды Кіев. дух. Академіи“, 1865 г., т. 1, письмо 3-е, стр. 158.

какъ бы совсѣмъ не зная про дѣло Прокоповича,—шло въ своихъ лекціяхъ по традиціонной до-Теофановской стезѣ.

Одной изъ причинъ этого, по нашему мнѣнію, была матеріальная бѣдность Академіи въ изслѣдованное нами время. Она лишала Академію всякой возможности быть зна-комой съ лучшими теченіями въ наукѣ, зарождавшимися тогда въ западной Европѣ, даже путемъ литературнымъ.

Заключатъ такъ можно по тому сожалѣнію, какое выражали профессора Академіи о тратѣ времени и силъ на изученіе іезуитско-схоластическихъ твореній, когда имъ случайно попадалось въ руки какое-нибудь новѣйшее сочиненіе, болѣе или менѣе далекое отъ обычнаго схоластицизма. Напр., Георгій Конисскій, уже будучи посвященнымъ во епископа бѣлорусскаго, давая 15 сентября 1755 г. Кіевскому митрополиту отзывъ о присланныхъ ему послѣднимъ для разсмотрѣнія (въ видахъ введенія въ Академіи въ учебники) философій Баумейстера и Пурхонія, между прочимъ, писалъ: „Я окружно (цѣликомъ) не вичиталъ, якожъ и *не имѣлъ* ихъ, когда самъ въ философій по должности, на мене бывшей положенной, упражнялся что особливо за *нещастіе* свое причитую, ибо на смѣттахъ интерпретовъ Аристотелевыхъ времени всеу не потерялъ бы было“¹⁾.

Другія причины отмѣчены нами въ самомъ нашемъ изслѣдованіи.

Подняться на самостоятельную научную дорогу, выработать собственную научную систему Кіевская Академія въ первую половину XVIII-го столѣтія, словомъ, не смогла: по многимъ *неизбѣжнымъ* обстоятельствамъ Академія рабствовала предъ латино-польскою наукою.

¹⁾ Акты Кіево-Брат. училищ. мон. в Акад., собран. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 50.

Къ сожалѣнію, такая рабская зависимость временами *невольнo* приводила Академію къ нѣкоторымъ отступленіямъ отъ православія (см. наше изслѣдованіе, стр. 221—232), къ уклоненію мыслей ея профессоровъ относительно тѣхъ или иныхъ богословскихъ вопросовъ въ католицизмъ. Но мы убѣдились, глубоко увѣрены, что мнѣнія не-православнаго характера являлись у профессоровъ тоглашней Академіи, если можно такъ выразиться, безсознательно, т. е. *безъ отчужденнаго представленія ихъ достоинства*. Отступленія Кіевской Академіи отъ православія въ изученную нами эпоху могутъ быть трактуемы, какъ наслѣдіе отъ ХVІІ-го столѣтія, когда, при отсутствіи собственныхъ опредѣленныхъ и устойчивыхъ богословскихъ воззрѣній, въ южно-русской церкви (и въ Кіевской Академіи), подъ вліяніемъ діалектически сильнаго католичества, легко могли утверждаться мнѣнія не-православнаго характера. Но въ первой ужъ половинѣ ХVІІІ-го столѣтія, по мѣрѣ укрѣпленія богословской мысли въ Кіевской Академіи, временныя отступленія ея отъ православія мало-по-малу исчезали изъ лекцій ея профессоровъ, такъ что вліяніе католическихъ богословскихъ руководствъ на эти лекціи хотя было большимъ, но по отношенію къ православной догмѣ постепенно оказывалось лишь формальнымъ, вѣшнымъ, *почти* не воспринимавшимся въ самое существо православнаго ученія. И профессора Академіи, подчиняясь такому вліянію католическихъ руководствъ съ формальной стороны, не щадили никакихъ авторитетовъ тамъ, гдѣ нужно было защищать внутреннее содержаніе понимаемаго ими православнаго ученія.

Профессора Кіевской Академіи, разоблачая несомнѣнныя для нихъ католическія отступленія отъ православія, смѣло называли католическую церковь, богословскими трудами которой сами пользовались для составленія своихъ лекцій, *схизматическою* и даже еще рѣшительнѣе—*еретическою*. „Римляне *schismatici haeretici novatores* утверждаютъ, что

Духъ Святой исходитъ не отъ Отца только, но и отъ Сына¹⁾ Такъ мы читаемъ въ томъ самомъ курсѣ профессора—іеромонаха Иннокентія Поповскаго, гдѣ онъ держится католическаго ученія по нѣкоторымъ вопросамъ. Отсюда наше мнѣніе что если ученые Кіевской Академіи повинны въ нѣкихъ уклоненіяхъ въ католическія заблужденія, то повинны въ малой степени. Ихъ уклоненія, видимо, происходили по невѣдѣнію какъ *правильнѣе, православно* мыслить по тому или другому богословскому вопросу. Если бы они были *хорошо* знакомы съ ученіемъ Восточной церкви, съ твореніями ея отцовъ и учителей,—несомнѣнно, они твердо устояли бы въ православіи защита котораго была цѣлью дѣла и жизни кіевскихъ ученыхъ. Но при незнаніи греческаго языка (до 1740-хъ годовъ), при необходимости дать богословскую пищу своимъ ученикамъ не худшую той, какую давали католическія учебныя заведенія, они *вынуждены были* пользоваться католическою богословскою литературою; а эта литература по инымъ вопросамъ смущала ихъ мысль, не имѣвшую на чемъ твердо опереться, и порой склоняла ее въ католическія заблужденія.

Не будучи, такимъ образомъ, въ состояніи (при отсутствіи почти всякихъ средствъ къ тому) подняться выше латино-польской науки, и чуть не по необходимости рабствуя предъ нею, повторяя ее, лишь съ сообщеніемъ ей *по возможности* православнаго духа, Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII вѣка и этимъ путемъ съ полнымъ усиліемъ выполняла свое православно-историческое призваніе, чѣмъ содѣйствовала укрѣпленію національнаго единства на Руси, ограждая ея юго-западные предѣлы отъ религіознаго и ео ipso политическаго вліянія фанатической Польши. Недаромъ же Кіевская Академія была столь ненавистною для латино-польскаго духа!... Ея питомцевъ католическія учебны.

¹⁾ Рукопись библ. Кіево-Соф. собора, № 220, л. 166, disputatio 6-та sectio 1-а.

заведенія не желали принимать къ себѣ, смотрѣли на нихъ, какъ на „волковъ отъ лѣсовъ Кіевскихъ“, увѣренно опасаясь, что каждый изъ нихъ, получивъ у нихъ образованіе, направитъ силу его противъ нихъ же самихъ, подобно (Феофану Прокоповичу. Порою это высказывалось католиками съ озлобленною откровенностью ¹⁾).

¹⁾ Напримѣръ, ректоръ Виленской католической Академіи, въ 1728 году, въ своемъ письмѣ къ папскому нунцію въ Варшавѣ (Нунцій переслалъ это письмо въ Римъ къ префекту Священной Конгрегации о распространеніи вѣры), между прочимъ, вотъ что писалъ о Петрѣ Коссѣ или Кулябкѣ (Кулябка, вѣроятно, учился въ Кіевской Академіи до философіи, затѣмъ во Львовской іезуитской коллегіи; въ 1726 году онъ поступилъ въ Виленскую Академію): „... *Ille (Петръ Коссъ) non sit origine Moschus, sed Kozachus, non Koss, sed Kop dictus cujusdam poponis prope Kijoviam filius. Leopoli dum scholas nostras frequentasset, se schismaticum publice profitebatur. Postea Lublini dum studia tractaret, unitum se esse simulabat. Demum ubi ad Academiam Vinnensem venit catholicum se esse mentiebatur*“. Кулябка намысливъ, отправился въ Римъ для продолженія своего образованія. Ректоръ Виленской Академіи въ дальнѣйшихъ словахъ своего письма и поясняетъ, что цѣль Кулябки въ томъ, „ut ibi (въ Римѣ) solide eruditus, ad schismaticos suos redeat, et ecclesiae catholicae in Moscho erudito gravius noceat quam si esset rudior. Prout plurimi alii ejusdem farinae homines in academiis catholicis edocti sub simulato nomine catholicorum, idem antea fecerunt, ut novissime aliquis dictus *Prokopowicz* similiter Kozachus, sive Ukrainensis, nam Ukraina est Kozachorum patria, qui ordinem patrum Basilianorum ingressus et ab isdem Romam pro tractandis studiis missus, ibique emenso studiorum curriculo, postea a fide et a religione apostata factus in Moschoviam profugit, ibique nunc est supremus, utpote doctissimus inter suos spirituales, et graviores in illam gentem induxit errores, quam fuerint antea, nam per eum stetisse dicitur, quod adhuc vivente praeterito czaro, sit typis mandata reformatio religionis Graecae, plus de Calvino, quam schysmate redolens“... И въ другомъ мѣстѣ пишетъ: „... quidam religiosus Romae in studiis Czerchzycki, in Ukraina vero Procopowicz nuncupatus fuerat, qui ibidem perveris modis acquisitam Romae sapientiam Kijoviam portavit et factus est schismaticus et archiepiscopus Moschoviae“.. („Свободная Галицко-Русская Лѣтопись съ 1700 до конца 1772 г.“; А. С. Петрушевича, ч. 1, Львовъ, 1887 г., стр. 316—321; см. наше изслѣдованіе: „Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія“, Кіевъ, 1903 г., стр. 327—8, примѣч.; см. „Кіевская Старина“, 1890 г.: „Автобіографическая „сказка“ малороссійскаго лѣтописателя Стефана Лукомскаго“. Лукомскій „въ Польшу... ради преслѣдованія за благочестіе греческаго исповѣданія и что (онъ) малороссійнинъ, не могъ... долѣе (полученнаго въ Кіевской Академіи) ученія своего имѣть“, почему и возвратился (снова) въ Кіевъ для слушанія здѣсь, въ Академіи, богословскаго курса).

Съ другой стороны, свою,—по существу хоть не высокою, но въ ту пору у насъ, на Руси, вышею,—наукою Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія имѣла универсально-образовательное значеніе для всей Россіи, давая въ лицѣ своихъ питомцевъ главнѣйшихъ просвѣтителей нашему отечеству. Многіе ея воспитанники въ первой половинѣ XVIII-го вѣка заводили въ разныхъ концахъ Россіи училища, давали имъ такое же устройство и сообщали имъ тотъ же православно-церковный духъ, какой они выносили изъ своей *almae matris*. И можно сказать, почти всѣ училища Россіи того времени обязаны или своимъ ростомъ, или своимъ внутреннимъ строемъ Кіевской Академіи.

Вотъ въ чемъ заслуги, величіе и слава нашей Академіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія!

Чѣмъ дружнѣе и быстрѣе пойдетъ теперь обнародованіе и изданіе церковно-историческихъ матеріаловъ XVIII столѣтія, тѣмъ яснѣе и величественнѣе станетъ выступать во всемъ своемъ блескѣ, во всей своей яркости сила Кіевской Академіи, какъ великой въ ту пору носительницы и, быть можетъ, главной спасительницы въ юго-западной Руси нашего православно-русского націонализма.

Охватить весь этотъ матеріалъ намъ, быть можетъ, и не суждено... Мы, что могли, то и сдѣлали для исторіи родной намъ Академіи. А какъ сдѣлали, судъ объ этомъ принадлежитъ нашимъ глубоко-уважаемымъ г. г. оппонентамъ. Ихъ слова мы примемъ, какъ авторитетную оцѣнку нашего посильнаго труда.

Д. Вишневскій.